

Ермак, Каменный пояс

Федоров Евгений Александрович

ЕРМАК

Вот и **устье Сылвы**, струги вошли в нее. Кольцо оповестил весело:

– Кончилась тут, на устье, вотчина Строгановых, а чье дальше царство – одному богу ведомо!

И впрямь, берега пошли пустынные, безмолвные. Леса придвинулись к воде угрюмые, дикие.

Вечерние зори на **Сылве** спускались неожиданно, были синие, давящие, что-то нехорошее таилось в них.

– Будто на край света заплыли! – вздыхал Дударёк. Ермак строго посмотрел на Дударька, сказал:

– Осень близится, блекнет ярь-цвет. Больше тьмы, чем света!

И может быть, тут впервые атаман подумал: «Припоздали мы с отплытием!». Но вернуться – значило еще больше встревожить дружину.

Гребли казаки изо всех сил против течения.– струя шла сильная и упрямая. Неделю-другую спустя показались земляные городки, над которыми стлался горький дым. На берег выходили кроткие люди в меховых одеждах. Они охотно все давали казакам, но дары их были бедны: туески малые с медом, с моршкой да сухая рыба...

Дни между тем становились короче, низко бежали набухшие тучи, и бесконечно моросил дождь. Постепенно коченела земля, хрустел под ногами палый лист. На привалах жгли жаркие костры, но утренники разукрашивали ельники тонким кружевом изморози. Холод пробирал до костей и на мглистой, ленивой заре зуб на зуб не попадал от стужи. По **Сылве** поплыло «сало». Смерзшиеся

первые льдины, облепленные снегом, крепко ударяли в струги.

К вечеру над густой шугой, в которой затерло казачий караван, пошел снег. Он шел всю ночь и утро. И сразу легла белая нарядная зима.

Иванко Кольцо ходил у реки и сердился:

– Вот и доплыли. Не по донскому обычаю ледостав пришел, не ко времени.

Ермак улыбнулся и сказал:

– Обычаи тут сибирские, свыкаться надо. Коли так встретила, будем ставить городок!

На высоком мысу, под защитой леса, поставили острожек. А первой срубили часовенку, водворив в нее образ Николая угодника.

Поп Савва отслужил молебен. Казаки молились святому;

– Обереги нас, отче, от лиха злого, а паче от тоски. Нам бы, Никола, полегче жить да повеселей...

Видно, не дошла казацкая молитва до Николы угодника– плешатого старичка, кротко смотревшего с образа. Только укрылись заваленные снегами повольники от ‘стужи, как вскоре кончились все запасы. Начался голод, а за ним цинга. Ослабевшие казаки, высланные в дозоры, замерзали от стужи. Поп наскоро отпевал их, а затем тела зарывали в снег. Пятеро ушли на охоту и не вернулись. Догадывались, что сбегли искать светлую долю, да, видать, нашли ее в сугробах, похоронивших леса.

Только один батька не сдавался. В погожие дни он поднимался на тын и показывал на заснеженный простор, который раскинулся надо льдами **Сылвы**.

– Браты, гляди, эвон – синее марево: то Камень, а за ним Сибирь!

– Близок локоть, да не укусишь, – сердито ворчал Матвейко Мещеряк. – Батько, хватит на горы глядеть. Дозволь казакам на медведя сходить...

Нашли-берлогу, подняли зверя, и Брызга посадил его на рогатину. Убили лесного хозяина и на полозьях притащили в острожек.

Сколько радости было! За все недели раз досыта казаки наелись.

– Не хватает медов! Совсем душа растаяла! – повеселел поп Савва. – Сплясать, братья, что ли?

– Да ты всю святость стеряешь, батя. Аль забыл, что ныне на Руси Филиппов пост! – смеялись казаки.

– Так то на Руси, а мы – не знай где, и митрополит нами тут пока не поставлен, дай спляшу!

Савва пошел в пляс. Он отбивал подкованными сапогами чечетку, прыгал козлом и вертелся как веретено. Прицелкивал перстами и подпевал себе:

Эх, сею, сею ленок...

Казаки выстукивали ложками частую дробь. Тут и домрачам и гуслиарам стало стыдно – заиграли они. Пошла гульба, дым коромыслом.

– Вот и Дон помянули! – повеселел и батька...

Зима лютовала. Колкий снежок змейками курился по льду, по еланям, обтекая кочки и пни на вырубках. Ермак в эти дни похудел, проседь гуще пробила бороду.

приняли кару спокойно. Посинели в студеной воде, зубами лязгают. Ермак спросил:

– Ну как, братья?

– Сгинем, батько.

– А одни среди непогоды не сгибли бы?

– Один конец, добей, батько! – повернули глаза в сторону атамана, и прочитал в них Ермак глубокое раскаяние.

Закричал атаман:

– А ну вылазь, крещеные! Рассолодели? С татарами биться собирались, а сами от зимушки удумали гибнуть. Эхх...

Мучались, голодали, но терпели. Мутный дневной свет не радовал, не было в нем теплоты. Но однажды поп Савва проснулся и радостно закричал на всю избу;

– Братцы! Братцы!

Казачьи подняли с нар очумелые головы. Солнце плескалось в окно. В светлой поголубевшей тишине нежно переливался пурпур, золото и ярь медяная.

– Веснянка в оконце глянула!

А через неделю зацвела верба, зазвучала капель. По острожку разнесся голос Ермака:

– Эй, вставай, берложники! Заспались! – Он прошел за тын и отломил веточку. Она была еще холодная, ломкая, но в ней уже теплилась жизнь. Круто повернуло на весну...

Казачьи не сразу вернулись к Строгановым. Прогремели льды на Сылве, прошел весенний паводок, зазеленели леса, а Ермак не торопился. Много тяжелых дней и ночей пережито в этом студеном и диком краю, тут на крутояре сложили в братскую могилу десятки казаков: круто было! Но здесь, в суровых днях родилось одно решающее – войско. Беды закалили людей. Грозное испытание не прошло напрасно. Ермак как бы вырос, и слово его в глазах дружины – было крепкое слово. Жаль было расставаться с острожком – первым русским городком на неведомой земле. Тут во всей полноте осознавалась своя воля. И хотя гулебщики особо не кланялись Строгановым, а все же считались служилыми казаками.

Отходил май, отцвела цветень и угомонились по гнездовьям птицы, когда казаки сели в струги и кормщик Пимен махнул рукой...

КАМЕННЫЙ ПОЯС

Всех своевольцев и грабителей атаман нещадно карал батогами. Шли к нему пины, он встречал их почтительно и склонял на свою сторону. Многие из них среди народа восхваляли «государя-батюшку». Из Ось: приехал с поклоном воевода, привез пушку, бочку пороха и два воза медных денег. Чика принял дары, приказал воеводе по-казачьи остричь волосы:

– Будь ты отныне казак, а не воевода! Полно тебе мирскую кровь-то сосать!..

Каждый день в Чесноковку подходили новые и новые толпы повстанцев, атаман верстал их в казаки.

Меж тем из-под Красноуфимска прискакал гонец с радостным сообщением. Салават Юлаев со своими башкирами занял городок. Атаман задумался, дерзкие мысли пришли ему в голову: решил он захватить **Кунгур** да Челябину. Поручил он табынскому казаку Ивану Кузнецову принять начальство над башкирами и вести их в пермскую землю. Тут и Грязнову выпало счастье: вызвал его атаман, долго вглядывался в него пытливо, наконец сказал:

– Вижу, верный ты человек! Сослужи государю-батюшке службу: веди свое воинство на Челябину, преклони ее к нашему делу!

Грязнов не утерпел, подошел к атаману, обнялся с ним.

Не мешкая, Ивашка с бомбардиром подняли свое воинство в поход. За околицей мела пурга, выл злобный сиверко. Но демидовские жигари, не страшась ни мороза, ни ветра, бодро тронулись по сибирской дороге на Челябину.

Глава третья

В Челябину из слободы Кундравинской прискакал купецкий сын Ануфриев и наказывал разных страхов. От него узнали, что пугачевские войска заняли крепости Чебаркульскую и Верхнеуральскую.

Купецкий сын заготовлял овес для торговлишки, когда пугачевцы подошли к слободе Кундравинской. Население, разодевшись во все праздничное, толпой вышло им навстречу. Слободской поп приказал ударить в колокола и собрал причт, чтобы поднять иконы и хоругви для встречи атамана Грязнова.

Из-за горы показались пугачевские войска. Впереди ехал сам Грязнов – кряжистый, русобородый. На нем расстегнутая крытая шуба, под ней бешмет, обут атаман в сапоги, на голове

– Куда, братцы? – спросил он.

– В Галашки, а там и на Утку! – нехотя ответили они. Угрюмыми глазами они провожали приказчика, который поднялся на крыльцо и прошагал в контору.

Там за столом сидел Широков и о чем-то толковал с высоким жилистым сержантом. Не раздумывая долго, Селезень попросил управителя:

– Яков, дай мне шустрого конька!

– Куда собрался? – уставился на него Широков.

– Пойду со всеми в Галашки!

– Ну и с богом! – согласился Широков. – А вот сержант Курлов, оборонитель демидовской Утки. Держись за него. Не выдаст!

Сержант поднял на Селезню строгие серые глаза и сказал:

– Что ж, видать, расторопный человек. Нашего полку прибыло! – Он скупно улыбнулся приказчику, но эта сдержанность и немногословность Курлова Селезню понравились...

Иван Селезень с отрядом нижнетагильцев прибыл в деревню

Галашки. Здесь отряд расположился по крестьянским избам. Крестьяне и работные отказались идти дальше, требуя выяснения обстановки. Сколько ни ругался и ни грозил сержант Курлов, сколько ни уговаривал приказчик, заводские не хотели двигаться на Утку. За всех дружинников ответил черномазый угрюмый углежог:

– Припоздали мы в Утку, поди, опередил нас полковник Белобородое. Быстр вояка! Опасно на рожон лезть!

По правде говоря, и сам Селезень струсил не на шутку. Он не ожидал, что пожар восстания так быстро распространится. Прорвалась долго сдерживаемая ненависть народа против бар, заводчиков и приказчиков. Встречая среди крестьян и заводчиков большое сочувствие, Белобородое с быстро увеличивающимся отрядом прошел заводы, расположенные по реке Белой и под Кунгуром, и везде по-своему расправлялся с угнетателями. Куда только не приходил он, немедленно сжигались конторские долговые книги. Народ ловил заводских приказчиков и беспощадно вешал их, а зачастую предавал мукам. Пылали хоромы заводчиков, управителей, не щадили иногда и заводские строения. Приписные крестьяне жгли заготовленный в лесах уголь, рушили плотины, спуская воду в прудах, и разбегались кто куда. Возмущение охватило огромный край.

Никакие уговоры не действовали на работных и крестьян. Сейчас, даже находясь далеко от Урала, в Санкт-Петербурге, князь Вяземский мог убедиться в том, насколько призрачно

Глава пятая

Пугачеву снова довелось встретиться с Михельсоном.

С каждым часом росли повстанческие отряды. Собрав силы, Пугачев устремился к **Кунгуру**. Прознав об этом, Михельсон выступил из Уфы и пошел ему наперерез. Отважно перевалив горы, перебравшись вплавь через реки, Михельсон торопился встретиться с противником. Он шел с пушками, и, чтобы не строить мостов, подполковник приказал перетаскивать орудия на

канатах по дну быстрых горных рек. Жадно перехватывая каждый слух о Пугачеве, Михельсон в одно утро увидел за лесом стройное многочисленное войско. Он поразился, недоумевая над тем, откуда могли появиться правительственные войска.

Пугачев тоже заметил врага и не терял понапрасну времени. Он решил предупредить противника. Емельян Иванович приказал конникам спешиться и сам повел их на Михельсона. На легком серебристо-белом коне Пугачев первым бросился в атаку.

– За мной, детушки, за мной! – взывал он.

Неустранимость вождя увлекла повстанцев, и они бросились врукопашную. Противников охватило озлобление. На бешеном скаку Пугачев врубился в солдатские ряды, опрокинул защитников и захватил пушки. Левый фланг противника был смят и расстроен. Но и Михельсон не растерялся, он быстро перестроил колонны и бесстрашно повел их в контратаку. Снова пушки были отбиты, и пугачевское воинство, расстроенное и не умеющее маневрировать, стала разбегаться под ударами. Через два часа все было покончено.

С немногими уцелевшими атаманами Пугачев пустился по лесной дороге.

– Ох, и вояки! Гляди-ка, вчистую меня разбили! – не унывая, сказал он Чумакову. – Погоди, придет времечко, и мы свое войско обучим!

Огромную и неукротимую силу Пугачев черпал в народе. Прошло всего несколько дней, и опять вокруг него, как молодой дубняк, шумели конница и дружины. С ними и устремился он на Осу. Три раза в дороге он снова схватывался с Михельсоном, изнурил его. Три раза Михельсон рассеивал противника, и снова, точно из земли, у Пугачева вырастали новые силы. Не было у него пушек, но за этим дело не стало. Подойдя к Осе, он упрятал отряды в засаде, а башкир послал тревожить город. Из Осы выслали команду с пушками в погоню за башкирами. Кочевники заманили их в глубь лесов, и Пугачев внезапно напал на незадачливое

воинство, отобрал орудия и теперь с артиллерией подошел к городу. Не мешкая, он послал коменданту крепости Скрипицыну предложение сдаться на милость победителя

Федоров Евгений Александрович (1897 – 1961), русский писатель. Начал печататься в 1916 году. Основные темы Федорова связаны с историей Урала и Сибири: «У горы Магнитной», «Кыштымский зверь», «Ермак». Наиболее крупное произведение – трилогия «Каменный пояс»

